

БУТ ТАРКИНГТОН

*Элис
Адамс*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т 19

Booth Tarkington
ALICE ADAMS

Перевод с английского Евгении Янко

Серийное оформление и оформление обложки
Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-30652-3

© Е. Янко, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Глава I

Пациент, человек старомодный, полагал, что сиделка ошибается, когда открывает оба окна нараспашку, и энергичное ее несогласие лишь распаляло в нем ненависть. Каждый вечер он повторял и без того ясную всем здравомыслящим людям мысль о том, насколько ночной воздух пагубен для организма.

— Мисс Перри, нельзя бесконечно испытывать человеческое тело, — недовольно предупредил он. — Даже ребенку достает разума понять, что нельзя — да, нельзя — больному человеку на сквозняк, да и здоровому тоже! «Закрывай окно на ночь, здоров ты или болен! — с детства говорила мне матушка. — Никакого ночного проветривания, Вёрджил. Никакого!»

— Догадываюсь, что ее матушка говорила ей то же самое, — предположила сиделка.

— Без сомнения. Моя бабушка...

— Конечно, мистер Адамс, ваша *бабушка* не могла думать иначе! Но это было во времена, когда всю центральную равнину покрывали неосушенные болота. И причиной предосторожности,

вероятно, являлись живущие там комары: они кусали людей, люди заражались малярией... Ведь тогда не было принято закрывать окна сеткой. Но сейчас окна защищены, нас никто не покусает, поэтому будьте паинькой, успокойтесь и ложитесь спать, вам это нужно.

— Спать! Как бы не так!

Уж он-то знал, что апрельские сквозняки самые опасные; ему их точно не пережить, и он не мог молчать об этом.

— Диву даешься, сколько всего человеческий организм способен вынести, — произнес он в последний апрельский вечер. — Но вам на пару с доктором будет урок, когда мое здоровье наконец сдастся! А то всё травите, травите и травите человека этим апрельским воздухом...

— Больше не будем, — нетерпеливо перебила его мисс Перри. — Завтра воздух станет майским, а майский воздух гораздо лучше для здоровья, не так ли? Хватит переживать, будьте умницей, отправляйтесь на боковую.

Она дала ему лекарство, поставила стакан на столик между кроватями, вернулась на свою койку, и через несколько минут оттуда раздался негромкий храп. Изможденный мистер Адамс сменил гнев на иронию:

— На боковую! Ага, уснешь тут, благодарю покорно!

Однако, пусть и урывками, он спал, и ему даже что-то снилось; впрочем, сны забывались, прежде чем он успевал открыть глаза, и, ворочаясь

в минуты пробуждения, Адамс обыкновенно считал, что ночью не сомкнул век. Город давил на него, представляясь неким огромным, беспокойным животным, ворочающимся в темноте за окном. Он тоже лежал, прикрывшись, как одеялом, облаком влажного ночного тумана и стараясь притихнуть на несколько предрассветных часов, но внутри него что-то беспрерывно ерзало, не давая уснуть окончательно. Пытаясь замереть, город то и дело бормотал о вчерашнем дне, а затем принимался громыхать днем наступающим. «Совиные трамваи», развозящие последних пассажиров, то и дело ухали вдалеке на поворотах; фабрики в покрытом сажей предместье клацали металлом; на востоке, западе и юге на запасных путях пыхтели и стучали колесами маневровые паровозы; сам воздух едва слышно гудел и вибрировал от бесчисленных проводов, словно ведущих переключку с подземными коммуникациями.

В молодости Адамс едва ли обращал внимание на подобные звуки, вторгающиеся в сон: даже боля, он находил в них доказательство гордой причастности к жизни в «настоящем городе», но теперь, в пятьдесят пять, он начал их ненавидеть, мечтая забыться сном. Так и говорил: «Они действуют мне на нервы», — впрочем, сейчас на нервы ему действовало практически все.

Он слушал, как тележка молочника проезжает под окнами, останавливаясь у каждого дома. Молочник несет бутылки к задней двери, тогда как лошадка медленно бредет дальше к следующей

калитке и дожидается там. «К Поллокам отправился, — думал Адамс, прикидывая обстановку. — Прокисшего молока им на завтрак. Вот, Андерсонам поставил. Сейчас к нам пойдет. И еще эта безмозглая скотина! Ей все равно, что люди в такой час спят!» Последняя мысль относилась к лошади, которая вдруг принялась стучать стальными подковами по мостовой, а затем шумно встряхнулась и зазвенела всей сбруей, видимо, отгоняя не по сезону раннюю мошку. В окна начали просачиваться первые лучи рассвета; внезапно зачирикал проснувшийся воробей, перебудив соседей на деревьях во двореке, включая зычноголосую малиновку. Птицы нестройно распелись, и вскоре их голоса слились в единый хор.

«Спать? Уснешь тут теперь!»

Ночные звуки сменились дневными, далекое гудение паровозов стало казаться еще пронзительнее, чем час назад в темноте. Перед домом кто-то прошел, весело насвистывая и думая о спящих людей даже меньше, чем кобыла молочника; за ним проследовала толпа цветных рабочих — Адамс так и не понял, возвращаются они домой с ночной смены или, наоборот, отправляются на фабрику, но было ясно, что настроение у них неплохое. Грубый, дикарский хохот задолго предвосхитил их появление и никак не смолкал, когда они уже ушли.

Ночник возле графина с водой, прикрытый от глаз Адамса газетой, по-прежнему горел и все сильнее раздражал больного. Мысли блуждали,

путались и походили скорее на игру воображения, нежели разума, а попытка лампочки противостоять рассвету казалась особенно неприятной, причем Адамс никак не мог сообразить, что именно так его коробит. И чем ближе он подходил к разгадке, тем проворнее ускользало понимание, распаляя злость. Впрочем, если бы ночник выключили, Адамсу не стало бы веселее: будь он чуть прозорливее в своих измышлениях, то сообразил бы, что мерцание ночника, это жалкое поползновение бороться с восходящим солнцем, разбудило в его душе полупогребенные мысли о весьма болезненных моментах собственной биографии.

Несмотря на шум с улицы, Адамс опять задремал, того не осознавая, и открыл глаза, разбуженный сиделкой, которая как раз поднималась со своей койки. Это зрелище, надо отметить, не доставило ему удовольствия. Она повернулась к нему помятым лицом, похожим на глиняный слепок в мастерской скульптора, оставленный лежать на жаре. Окончательно она проснулась, обретя подобающую ловкость, лишь когда выключила ночник и подала больному общеукрепляющее.

— Разве не прекрасно? Мы отлично провели еще одну ночь! — воскликнула женщина и отправилась в ванную переодеваться.

— Ну, ты-то да! — проворчал Адамс, дождавшись, пока за ней закроется дверь.

Тут он услышал движение в комнате напротив, и понял, что проснулась дочь. Он понадеялся на ее скорый приход, ибо девочка оставалась единственным человеком, не вызывающим в нем раздражения, хотя и о ней думать не хотелось, как не хотелось думать ни о ком на свете. Но первой его навестила жена.

На ней был свободный хлопковый халат, а из-под платка, которой она повязывала на ночь и еще не сняла, выбилась седеющая прядь. Миссис Адамс искренне старалась казаться приветливой.

— Тебе все лучше и лучше! Это сразу видно, стоит только на тебя посмотреть, — прощепетала она. — Мисс Перри говорит, что ночь опять прошла замечательно.

Адамс иронично хмыкнул, выказав пренебрежение мнением сиделки, а затем, желая еще более прояснить ситуацию, добавил:

— Она-то, как всегда, спала отлично!

Жена, однако, продолжила растягивать губы в улыбке:

— Ты злишься, и это хороший знак: ты уже практически здоров.

— Кто, я?

— А кто же еще?! Вёрджил, не сегодня, так завтра ты будешь на ногах... Слабость, конечно, сохранится, но и это ненадолго. Через пару недель ты точно поднимешься.

— Кто, я?

— Именно!

Она рассмеялась, подошла к столу в центре комнаты, чуть отодвинула стакан с лекарством, перевернула книгу на другую сторону и еще несколько секунд простояла там, делая вид, что прибирается, хотя на самом деле почти ничего не трогала.

— Ты выздоравливаешь, — рассеянно повторила женщина. — Скоро наберешься сил, как раньше, даже станешь еще крепче. — Тут она умолкла, отводя взгляд, и вновь защебетала: — Осмотришься и наконец-то найдешь себе дело получше.

Тут на поверхность проступило нечто важное для них обоих: пусть она произносила слова легко и весело, в голосе слышался предательский надлом, перешедший в дрожь на последнем слове. При этом миссис Адамс упрямо продолжала суетиться вокруг стола, отвернувшись от мужа, вероятно потому, что они были давным-давно женаты и она прекрасно знала, как он сейчас смотрит на нее, и предпочитала как можно дольше не встречаться с ним взглядом. Он же не сводил с нее глаз и вдруг заговорил, немного сбиваясь, как это делают больные люди, охваченные волнением:

— Вот оно что. На это ты намекаешь.

— Напекаю? — удивленно и снисходительно переспросила мисс Адамс. — Вёрджил, где же тут намеки?

— Что ты там сказала про «получше»? Разве это не намек?

Миссис Адамс повернулась к мужу лицом, подошла к кровати и хотела взять за руку, но он быстро отдернул пальцы.

— Тебе вредно нервничать, — сказала она. — Но, когда ты поправишься, выхода не будет. Тебе нельзя опять в ту же яму.

— В яму? Ты так это называешь? — Его голос зазвенел от гнева, несмотря на болезненное состояние, а жена в ответ затараторила:

— Вёрджил, тебе никак нельзя возвращаться. Это плохо для всех, сам знаешь, как плохо.

— Пожалуйста, не говори мне, что я знаю, а что нет!

Внезапно она сложила ладони в горестной мольбе:

— Вёрджил, ты же не вернешься в ту яму?

— Ну и словечко ты выбрала! — произнес он. — Назвать контору ямой!

— Вёрджил, если не хочешь поступиться ради меня, так подумай о детях. И не говори, что не исполнишь того, о чем мы все тебя умоляем, ты сам в глубине души хочешь этого. А если на тебя снова найдет твоя обычная блажь и, вопреки рассудку, ты поступишь по-своему, пусть лучше я об этом не узнаю, еще раз мне такое не перенести!

Адамс свирепо посмотрел на жену.

— Хорошо же ты поддерживаешь больного! — бросил он, но она больше не умоляла: теперь, вместо всяких слов, миссис Адамс показала

мужу, как ее глаза наполняются слезами, после чего встряхнула головой и удалилась.

Адамс остался один, дыхание сбилось, грудь вздымалась в такт рвущемуся из него гневу.

— Чудненько! — зло прохрипел он. — Это же надо такое больному сказать! Вот ведь!

Помолчав, он вдруг начал издавать тихие звуки, похожие на смех, однако на лице не было ни капли радости.

— Хлеб наш насущный дай нам на сей день! — добавил он, показывая, что успел привыкнуть к выходкам своей жены.

Глава 2

На самом деле миссис Адамс искренне переживала за мужа, но так умело держала себя в узде, что не успела сделать три шажка от его двери до комнаты напротив, как следы волнения сгладились. Лицо стало будничным, без оттенка печали, и она вошла в уютную спальню дочери, где Элис, полуодетая, сидела перед туалетным столиком и играла с отражением в трехстворчатом зеркале в голубой эмалевой раме. Точнее, девушка занималась этим всего за секунду до появления матери в дверном проеме: жестикулировала и манерничала, сцепляла пальцы на затылке, откидывала голову назад, дерзко и шаловливо поднимая подбородок, изображала сначала изможденную улыбку, а затем презрительно-снихождительную, ни на миг не забывая о кокетстве, — но стоило двери приоткрыться, как Элис торопливо заняла руки укладыванием густых каштановых волос.

Руки у нее были чудесные — нежные и изящные. «Лучшее из того, что в ней есть!» — сказала про них бесчувственная подружка, поставив эту

замечательную черту в списке достоинств Элис Адамс выше ума и душевных качеств. В любом случае Элис и на остальное не жаловалась. Ее часто называли миловидной: похвала весьма сдержанная, скорее подходящая для девушек неприметных, чем для красавиц, но определенно заслуженная. Ей подходило это слово, даже когда она вела себя тихо и спокойно, хотя такой ее мало кто видел, разве что дома, да и то изредка. На людях она вся словно состояла из жестов, и злые языки утверждали, что так Элис выставляет напоказ свои чудесные ручки; однако руки выступали в унисон с телом: первыми начинали движение плечи, а затем не только ладони, но и ступни подчинялись единому порыву красноречия.

Впрочем, подобная выразительность служила лишь аксессуаром для ее лица, на котором живость достигала апогея, и однажды это довело до беды, когда впервые приехавший в город неотесанный юнец попытался описать впечатление от такого щедрого фонтана эмоций. Он сказал, что «ее глазки блестят, а личико веселенькое, как будто на кураже». Да еще и проглотил первую гласную в слове «кураж». Но отнюдь не особенности его произношения подарили подружкам Элис неувядающий повод посмеяться: в данном случае юноша отделался гораздо легче, чем получательница комплимента.

Миссис Адамс принялась настолько яростно утешать дочь, расхваливая «веселость и кураж», которых в помине нет у тех деревянных кукол,

повторяющих злосчастные слова на все лады из чистой зависти, что Элис, получив неожиданно горячую поддержку, попросила маму не защищать ее так «вне семейного круга» и тем самым довела женщину до слез, потому что негоже детям ставить под сомнение ум родителей. А по мнению Элис, ее мать частенько нуждалась в разъяснениях.

Вот и этим утром девушка по-учительски приветствовала ее, так сказать, предупредила в форме просьбы, особенно настойчивой после того, как ей показалось, что позирование перед зеркалом не скрылось от родительского взора. Но она беспокоилась зря, мать уже тысячу раз видела кривляния ни о чем не подозревающей Элис перед трельяжем и, опять уловив краем глаза гримаску, не придала ей никакого значения.

— Давай, мама, входи уже и дверь за собой закрой! *Умоляю*, не оставляй щели, а то вдруг кто заглянет!

— Некому заглядывать, — сказала миссис Адамс, затворяя дверь. — Мисс Перри внизу, а...

— Мам, я слышала, как ты заходила к папе, — прервала ее Элис все тем же недовольным тоном. — И разговор слышала; не надо так расстраивать бедняжку, особенно в этом его состоянии.

Мать присела на краешек кровати.

— Ему с каждым днем все лучше, — спокойно произнесла она. — Он почти выздоровел. Доктор так говорит, мисс Перри тоже, и если мы не приведем его в чувство сейчас, то потом нам это

точно не удастся. Он отправится в свою яму, как только поднимется на ноги... сама увидишь! И, стоит ему туда зайти, он там настолько глубоко окопается, что нам его больше не вытянуть.

— Хорошо, но ты все равно могла бы говорить с ним поласковее.

— Я правда стараюсь, — со вздохом ответила мать. — Но ему от моих стараний ни жарко ни холодно. Элис, все-таки я знаю твоего отца лучше, чем ты.

— Я одного не понимаю. До свадьбы люди готовы сделать друг для друга все, что угодно. Почему они перестают себя вести так же после свадьбы? Когда в молодости вы с папой обручились, он бы для тебя горы свернул. И все потому, что ты знала, как им управлять. Почему он сейчас тебя не слушается?

Миссис Адамс опять вздохнула и вместо ответа коротко хмыкнула, но Элис не отставала:

— Почему сейчас ты ничего не можешь? Почему не попросишь его так, как просила, когда вы были влюблены? Попробуй, мам, вместо того чтобы донимать его ворчанием.

— Это я-то ворчу, Элис? — несколько преувеличенно возмутилась миссис Адамс. — Тебя задевает моя манера заботиться о тебе?

— Перестань, тут не на что злиться. Просто ответь. Почему нельзя проявить чуть больше такта в разговорах с отцом? Почему ты не общаешься с ним так, как общалась в молодости, до

свадьбы? Никогда не понимала и не пойму, отчего люди меняются настолько сильно.

— Думаю, однажды ты все-таки поймешь это, — задумчиво произнесла мать. — Особенно после двадцати пяти лет брака.

— Ты продолжаешь увиливать. Почему нельзя сказать прямо?

— Элис, есть вопросы, ответ на которые никогда не понять молодым.

— Хочешь сказать, мы не доросли до понимания? Сомневаюсь. В двадцать два года у девушки ума хватает. А ум являет собой ту самую способность понимать, разве нет? Стоит ли мне жить двадцать пять лет с мужем, чтобы понять, почему ты такая нетактичная с отцом?

— Сначала ты должна понять кое-что другое. — Голос миссис Адамс задрожал. — Могла бы уж заметить, как больно ты меня иногда ранишь. Некоторые вещи молодым не осознать одним лишь разумением, а когда ты достаточно повзрослеешь, чтобы научиться понимать то, о чем ты меня сейчас спрашиваешь, ответ тебе будет уже не нужен. Элис, отца тебе не понять, ты не знаешь, насколько сложно изменить его мнение, если он решил упрячиться.

Элис встала и принялась надевать юбку.

— Скандалы никогда никого ни в чем не убеждали, — бросила она. — По-моему, лаской и увещанием добьешься большего.

— Лаской и увещанием! — В устах матери это прозвучало гораздо ироничнее. — Ага, было

время, когда я тоже так считала! Но это не работает — и всё тут!

— Мама, кажется, ты забыла, что такое ласка.

Не пробило и половины восьмого, а глаза миссис Адамс во второй раз за утро заблестели от слез.

— Другого я от тебя и не ждала, Элис; ты никогда не упустишь возможность задеть, — тихо проговорила она. — А если вдруг хоть *разок* промолчишь, то я только диву даюсь!

Но Элис, казалось, целиком ушла в процесс одевания и уже не слышала ее.

— Мам, согласишься, на свете есть способы повлиять на мужчину получше, чем читать ему мораль.

— Мораль, Элис? — Миссис Адамс всхлипнула.

Дочь напористо продолжила:

— Положись на меня, уж я заставлю папу сделать так, как мы хотим.

— Еще скажи, что я все испортила. Ладно, с этой минуты я не вмешиваюсь, можешь на меня положиться.

— Пожалуйста, не говори так, — не замедлила ответить Элис. — Я уже достаточно большая и вижу, что нажимать нужно со всех сторон, однако я думаю, не следует его злить, он от этого еще больше упрямится. Может, ты и понимаешь его лучше, чем я, но я, в отличие от тебя, кое-что заметила. Идем! — Она дружески коснулась плеча

матери и направилась к двери. — Я к нему сейчас заскочу поздороваться.

Она продолжала на ходу застегивать блузку и, зайдя к отцу, одной рукой держалась за пуговицу, а второй дотронулась до его лба.

— Бедняжечка, папочка! — весело начала она. — Только ему становится лучше, как его сразу злят, и болезнь возвращается. Вот ведь беда!

Отец грустно поглядел на дочь из-под меланхолических бровей:

— Вижу, ты слышала, как ко мне приходила твоя мать.

— Тебя я тоже слышала! — Элис рассмеялась. — К чему это все?

— Ох, так уж у нас заведено!

— Заведено, что мама пытается убедить тебя попробовать что-то новое, когда ты поправишься? — спросила Элис с невинной игривостью. — Чтобы денег в доме побольше стало?

Его скорбный лоб стал более скорбен, чем обычно. Глубокие горизонтальные морщины поползли вверх, выражая столь привычную для Элис степень страдания.

— Да, и поэтому денег в доме не останется совсем, вот увидишь.

— Нет же! — Элис улыбнулась и, покончив с пуговицами на блузке, обеими руками потрепала отца за щеки. — Только представь, сколько великих возможностей открывается для столь знающего человека, как ты! Папочка, я ни капли

Таркингтон Б.

Т 19   Элис Адамс : роман / Бут Таркингтон ; пер. с англ. Е. Янко. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 384 с. — (Настроение читать).
ISBN 978-5-389-30652-3

Элис Адамс — милое юное создание, очаровательная кокетка, не лишенная ума и амбиций. Она живет в скромном домике вместе с родителями и мечтает о красивой жизни и великой любви. Когда на горизонте появляется «тот самый Артур Рассел», привлекательный, доброжелательный, галантный, идеальный жених, Элис приходится приложить все усилия, чтобы остаться на высоте и скрыть бедственное финансовое положение своей семьи. Впрочем, ее отец, мистер Адамс, хранит некую тайну, которая способна вознести их семью на вершину богатства. Только какой ценой?..

Роман «Элис Адамс» принес его автору, Буту Таркингтону, Пулитцеровскую премию (вторую по счету, первого Пулитцера Таркингтон получил за роман «Великолепные Эмберсоны»). Это изящная история любви и разочарования, история о том, как легкомысленная девушка приходит к познанию истинных ценностей и приятию мира таким, какой он есть.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

БУТ ТАРКИНГТОН
ЭЛИС АДАМС

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Гузель Зайдуллина, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға кол қойылды 14.01.2026.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-39841-01-R